

культурными кодами (доминирование парадигмы пространства). Причем переход от интеграции к инклюзии и, соответственно, от функционализма к социальному конструкционизму можно понять как выражение пространственного поворота в социальных и гуманитарных науках. Ключевым моментом подхода к решению проблемы культурных оснований политики в отношении Другого в образовании представляется понимание культуры как проекта свободы человека, реализующего свою открытость Другому.

Ключевые слова: Другой, интеграция, инклюзия, функционализм, структурализм, социальный конструкционизм, языковая метафора культуры, акультурные и культурные теории современности, пространственный поворот.

Для цитирования: Шеманов А.Ю. Политика в отношении Другого: между функционализмом и структурализмом // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 132–140. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-132-140.

Относительно недавно — с работ Г. Олпорта [1] — категоризация людьми друг друга в качестве «других» стала рассматриваться как источник негативных стереотипов, стигматизации, аутостигматизации и дискриминации, которые возникают в любом обществе, но именно в наше время были осознаны как требующие решения и нуждающиеся для этого в научной рефлексии социальные проблемы. Люди определяют друг друга как взаимно другие, используя категории принадлежности к конфессиональным и этническим общностям, обладания различными психофизическими особенностями, на основании пола (мужчины и женщины), особенностей половой самоидентификации и т. д. В современной культурной ситуации, с одной стороны, любая идентичность ставится под вопрос, размывается, дробится и мультиплицируется (см., напр.: Э. Гидденс [2]), а с другой — отчасти из-за ее ускользающего характера — люди удерживают идентичность путем маркирования ее границ средствами мифологизации, становящейся фактором роста ксенофобии [3].

Рассмотрим подходы к пониманию Другого, вышедшие, как предполагается в статье, с одной стороны, из функционализма — идеологии и политики интеграции и, с другой стороны, из структурализма — идеологии и политики инклюзии. Далее будет рассмотрена аргументация в пользу такого предположения и сделана попытка определения смысловых границ данной дихотомии.

В документы ЮНЕСКО и ООН по политике в сфере образования, направленной против исклю-

чения различных категорий людей из образования и жизни общества, в том числе людей с инвалидностью (Конвенция ООН о правах инвалидов, 2006 [4]), с середины 1990-х гг. вошло понятие инклюзии и инклюзивного образования [5]. Данное понятие сложилось на основе так называемой социальной модели, т. е. теоретической и одновременно практически-политической установки, рассматривающей любые категоризации людей (по состоянию здоровья, происхождению, расе, половой принадлежности, социальному положению и пр.) как социально создаваемые конструкции, используемые теми, кто их создает, в качестве средств осуществления власти над другими — для их социального подавления. С позиции социальной модели инвалидность — это конструкция, отражающая и создающая барьеры для включения в жизнь общества людей с определенными психофизическими особенностями, а инклюзия — это прежде всего политика по преодолению этих социальных и культурных барьеров. Теоретической рамкой общественной модели, таким образом, является социальный конструкционизм. С другой позиции, обозначаемой в дискурсе социальной модели как индивидуальная модель, инвалидность — это следствие психофизических особенностей индивида, которые рассматриваются как причина ограничений его нормального социального функционирования. При этом инклюзию нередко стали противопоставлять прежней политике интеграции, ставившей во главу угла индивидуальную помощь людям с инвалидностью, мигрантам и другим категориям граждан в их вхождении в учебную группу общего образования на основании наличия особых образовательных потребностей (см., напр.: Дж. Корбетт [6], Р. Сли [7]).

СМЕНА КОНТЕКСТА ПОНИМАНИЯ ДРУГОГО: ОТ ФУНКЦИОНАЛИЗМА К СТРУКТУРАЛИЗМУ

Обратим внимание на теоретический контекст, в котором происходили отмеченные выше изменения в политике отношения к Другому. Прежнее понимание интеграции сложилось главным образом в рамках доминирования в дискурсе социальных наук функционализма: с одной стороны, в русле культурной антропологии (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун), а с другой — в социологии (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс и др.) [8]. В культурной антропологии интеграция группы рассматривалась как неперемное условие ее успешно адаптированного существования, выражение направленности всех инсти-

тутов, верований и обычаев группы к достижению ее функционального единства, которое представлялось Б. Малиновским в качестве аксиомы функционализма [9]. Р.К. Мертон [10] подверг эту аксиому сомнению, превратив достижение единства (интеграцию) группы из аксиомы в реализуемое или нереализуемое группой положение вещей, которое нуждается в эмпирической верификации. Интегрированность рассматривалась как модус существования всей социальной группы, один из аспектов ее адаптированности, а интеграция других выступала в качестве производной от интеграции самой социальной группы. В концепции Т. Парсонса интеграция стала одной из четырех функций всей социальной системы, в выполнении которой культура как подсистема обеспечивает общие ценности членов сообщества [11, р. XVIII]. У него же интеграция прежде не включенных в сообщество групп рассматривается как ответ на растущую диверсификацию в процессе прогрессивного развития социальной системы, что позволяет в этом случае понять интеграцию как способ расширения человеческого ресурса, используемого социальной системой за счет включения прежде исключавшихся единиц [12, с. 115–116].

Поворот в понимании интеграции и отношения к ней (когда интеграция начинает оцениваться негативно — как форма оправдания дискриминации и нарушение права на своеобразие, т. е. права самому строить свою идентичность) связан с приходом эры структурализма, сделавшего первичным объяснительным принципом общества не единство, а различие, не функцию, а структуру [13], которая в функционализме играла существенную, но не доминирующую роль. Структурализм вводит языковую метафору культуры [14, р. 17] сначала в культурной антропологии (этнология К. Леви-Стросса), а затем в социологии (в качестве примера влияния структуралистской языковой метафоры культуры на социологический дискурс можно упомянуть концепцию структуризации Э. Гидденса, в которой понятие структуры соответствует культурным кодам социальной жизни у структуралистов, по мнению Дж. Скотта [15, р. 83]. Причем теория структуризации была выдвинута Э. Гидденсом в противовес Т. Парсонсу, как отмечает Б.С. Тёрнер [11, р. XIV]). Уже у К. Леви-Стросса история антропологии представляется как изменение отношения к Другому [16]. В русле структуралистских установок вначале в Великобритании с опорой на марксизм (с учетом акцента на культурные механизмы эксплуатации в интерпретации А. Грамши и Л. Альтюссера) формируются критические культурные исследования [14]. На их основе и под влиянием критики дискурса как власти у М. Фуко, концепции габитуса и символической власти П. Бурдьё, постколониальных, феминистских и других исследу-

ований возникают различные политические протозащитные движения, направляющие свои усилия на теоретическую и практическую (политическую) критику различных форм подавления в культуре [7; 14]. Все они опираются на социальный конструкционизм, принимающий языковую метафору культуры, а также ее обоснование и развитие в постмодернистской философии и теории культуры (Р. Барт, Ж. Деррида и др.) [14].

Развернутая в культурных исследованиях критика понятий идентичности, субъекта, бинарностей культуры как основы дискурса подавления Другого, с одной стороны, выступает отправным пунктом развенчания самой идеи функционального единства сообщества, которая (идея единства) представляется как форма подавления Другого, а с другой — выдвигает понятие инклюзии как принятия Другого в его отличии, как поддержки разнообразия. В то же время в философии формируется новое понимание солидарности в сообществе как бытия-вместе, основанного не на тождестве (идентичности), а на различии [17].

В области социологии неслучайно в этот период формулируется концепция индивидуализированного общества [18], теория рефлексивного модерна [19] и теория структуризации Э. Гидденса [20], дополненная его же концепцией рефлексивной самоидентификации индивида в условиях поздней современности [21]. Характерной общей чертой всех этих концепций является признание того, что для современного человека свойственно воспринимать мир как неопределенный, шаткий, рискованный, лишенный опоры на устойчивый «порядок вещей» и потому нуждающийся в установлении порядка (в том числе усилиями рефлексии индивида) и в постоянном *контроле*, который всегда оказывается недостаточным для устранения неопределенности. При этом в социальном мире, в обществе отсутствует устойчивая, понятная акторам рациональность, зато есть постоянно в наличии непредвиденные последствия человеческих действий. Постулат о наличии таких последствий у предпринимаемых людьми действий — важная часть теории структуризации Э. Гидденса, его понятия о дуальности структуры, которая, с одной стороны, является результатом деятельности самих людей, с другой — детерминирует их социальные действия [20, с. 399–413; 22]. Аналогично в концепции общества риска У. Бека одним из источников рисков является рефлексивный характер современности, т. е. то обстоятельство, что в процессе развития модернизации природа как предмет человеческой деятельности все больше заменяется на продукт самой этой деятельности: современность преобразует саму себя [19, с. 267–273].

Отличительной особенностью этих концепций является то, что они трактуют механизмы историче-

ского изменения — модернизации и распада традиционного общества — как универсальные, т. е. носят акультурный характер в терминологии Ч. Тейлора [23]. Согласно Ч. Тейлору, данные теории выражают различия между теми, кто признает в том числе и преемственные по времени общества особыми цивилизациями со своей, присущей только им культурой (например, цивилизация модерна и цивилизация Средневековой Европы), и теми, кто считает возможным рассматривать временную последовательность между обществами как результат всеобщего процесса «развития» с присущими ему совпадающими закономерностями, например, постепенным уменьшением традиционности в стиле жизни членов этого общества и нарастанием в нем рациональности. Причем Ч. Тейлор утверждает, что используя слово «культура», он имеет в виду картину множества культур, которые характеризуются своими языками (часто взаимно непереводаемыми) и набором практик, определяющих специфическое понимание личности, социальных отношений, добра и зла, добродетели и порока, Бога и мира и т. п. [23, р. 24].

ДИХОТОМИИ В ПОНИМАНИИ КУЛЬТУРЫ И В ОТНОШЕНИИ К ДРУГОМУ В ОБРАЗОВАНИИ

Как полагает Т.А. Дмитриев [24], теория структуризации Э. Гидденса принадлежит к акультурным, аналогичным Ч. Тейлору теориям современности. При этом он не считает контраргументом мнение Дж. Скотта [15], что у Э. Гидденса культура является центральным понятием [24, с. 81]. Ясно, что дело не в том, является ли культура центральным понятием Э. Гидденса или нет, а в том, как понимается сама культура. По мнению Дж. Скотта, у Э. Гидденса культура — это, во-первых, структура, понимаемая как социальные коды коммуникации, усваиваемые акторами и формирующие их диспозиции к действию, а во-вторых — их жизненный мир, воспринимаемый сообразно с этой структурой [15, р. 83]. Как Ч. Тейлор [23, р. 28] описывает глубинный уровень культуры, используя понятие габитуса в интерпретации П. Бурдьё [25, с. 60–61] как усвоенного культурного богатства, ставшего неотъемлемой частью личности, так и Дж. Скотт описывает культуру в понимании Э. Гидденса, используя это же понятие габитуса [15, р. 89]. Но если у Э. Гидденса габитус рассматривается в анализе детерминирующих влияний культуры в отношении действий акторов, то Ч. Тейлор рассматривает как основу габитуса, т. е. базового, фонового уровня культуры, составляю-

щего ее глубинный и наиболее фундаментальный, с его точки зрения, уровень ее существования, понимание того, что такое добро и зло, образ мироздания и его причина, отношение к Богу, иначе говоря то, что составляет основу экзистенции, реализации человеком своей свободы [23, р. 29–30]. Предлагая культурную теорию современности, ученый как раз и отдает отчет в ее связи с экзистенциальным выбором людей и себя самого, не позволяя занять позицию надысторического всеведущего наблюдателя.

В разных теоретических контекстах культура рассматривается по-разному. Если воспользоваться нестрогим способом выражения, то можно сказать, что в одном контексте культура мыслится скорее в парадигме пространства, т. е. как *пространственное многообразие* сосуществующих в прошлом и настоящем усваиваемых людьми традиций, ценностей и повседневных привычек, нередко представляемых как не корреспондирующие друг с другом, некритически усваиваемые людьми и замкнутые на себя; в другом — в парадигме времени, т. е. как *способ преемственности*, реализуемой в общении и посредством него воспроизводящий и трансформирующий образ жизни, приобретаемый в общении и взаимодействии поколений. Действительно, с одной стороны, общее, единство в многообразии, связь между различными ищется как внешним образом их объединяющее, подобно тому как объединяет вещи пространство. С другой стороны, речь идет о внутренней связи, делающей возможным единство и преемственность между различными, общее становится законом порождения многообразного. Стоит упомянуть, что оба эти измерения всегда присутствуют при любом теоретическом описании, хотя более фундаментальным принципом определения общего, т. е. поиска единства в многообразии как внешнего или внутреннего, может быть один или другой.

При смене теоретической парадигмы с функционалистской на структуралистскую меняется и точка отсчета для понимания образования и интеграционных процессов, в нем происходящих. Это касается, в частности, отношения к созданию общности между членами учебной группы или сообщества в процессе образования. Постулируя необходимость создания такой общности в процессе образовательной интеграции, Н.Т. Попова [26] замечает, что в противном случае дети с разными образовательными потребностями и возможностями будут рядом, но не вместе. Продолжая начатую линию сопоставления, можно сказать, что вместе они будут, если мы рассматриваем их образование как интеграцию, т. е. в парадигме времени, в которой возможно включение в общую деятельность развития. В парадигме же пространства, предлагаемой в рамках соци-

альной модели и основанной на ней инклюзии, им и не надо быть вместе, важно обеспечить право на совместное обучение, т. е. процедурную (а не сущностную) возможность находиться *рядом* во всем неснимаемом различии их особенностей. В этой парадигме любое постулирование единства в самом многообразии, кроме единства, понимаемого как процедура сосуществования различных, изображается как проявление власти в установлении общего и подавления различий под лозунгом общего дела, а на деле, как полагают приверженцы данного подхода, — для частных и особенных целей защитников дискурса единства.

Таким образом, описанная выше коллизия двух пониманий совместного обучения людей с различными особенностями — как интеграции (с нормализацией) или инклюзии, т. е. в функционалистской или структуралистской перспективе — может быть представлена как противоположность пространственной и временной парадигм, в каждой из которых другой член этой пары (т. е. временное измерение по отношению к пространственному или наоборот) приобретает подчиненное положение по отношению к другому. С этой точки зрения переход от политики интеграции к инклюзии (и, соответственно, от функционалистского к конструкционистскому пониманию общества и культуры) можно рассматривать как проявление пространственного поворота в социальных науках.

В связи с различием пространственной и временной парадигм, т. е. несхожести между двумя способами обобщения, достижения единства в многообразии — как внешней связи рядоположенных или внутренней связи преемственных, формулируются и два подхода к понятию нормы, в том числе — в контексте медицины и образования. В данной работе, говоря о представлениях о норме в педагогике, ограничимся иллюстрациями каждого из подходов в научной литературе. Так, в одной из отечественных работ, посвященных истории понятия нормы в философии и педагогике, после перечисления ряда воззрений на норму, делается обобщение такого рода: «сущность нормы различным образом понимается в научных исследованиях и может сводиться к среднему значению качества, наиболее распространенному явлению, отрезку возможных вариантов развития, соответствующим мере функциональной необходимости, целесообразности или полезности» [27, с. 16]. В этом обобщении отчетливо слышится функционалистское понимание нормы как внутренней связности и единства частей целого, а также как адаптированности этого целого. Вторая позиция, исходящая из структуралистской установки на первичность различия, представлена, например, в высказывании Р. Сли, который характеризует нормальность и аномальность, применяемые в интегративном

образовании, как понятия, выполняющие функцию социального подавления (*oppressive notions*) [7, р. 112]. Если первично различие, то нет возможности обосновать иерархию между различными, что является условием полагания одного из различных в качестве нормы, а другого — в качестве отклонения. Отсюда, как представляется, и вытекает вывод Р. Сли о том, что единственной функцией различения нормы и аномалии является подавление Другого, который объявляется девиантом и как таковой претерпевает различные, оправданные введенной иерархией (нормы и аномалии) ограничения в возможностях и правах.

В контексте педагогики норма рассматривается, с одной стороны, как одно из важнейших условий процесса воспитания и образования и ориентир для интеграции, например в коррекционной педагогике [27], с другой — как механизм превращения в Другого, стигматизации (в качестве ненормального) и дискриминации [7]. В обоих случаях речь идет об объективизированном взгляде на норму, о ее понимании как объективного социального механизма: в функционалистском ключе — как культурного механизма распространения общих ценностей группы на каждого, т. е. механизма их интеграции в общность, или в структуралистском ключе — как одного из способов реализации социального доминирования за счет стигматизации индивида как Другого, ненормального.

ПРОБЛЕМА НАТУРАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ КАК МЕХАНИЗМ ОБЪЕКТИВАЦИИ ДРУГОГО

Различие пространственной и временной парадигм в понимании культуры, по-видимому, работает в рамках тех концепций, в которых культура объективизирована, т. е. оторвана от вопроса о реализации людьми свободы в своих проектах культуры и представлена как объективный, внешний для исследователя социальный механизм. Это можно увидеть на примере различия функционалистского и структуралистского подходов к культуре и особенно в реализации этих подходов к проблемам обеспечения права на образование или интеграции в общее образование, поскольку в этой реализации они представлены более однозначно, вне контекста своего исторического становления и обоснования в спорах с другими концепциями.

В рамках обоих типов интерпретации существования человека в социуме — функционалистского и структуралистского — происходит натурализация культуры и объективация человека; культура выступает как проявление природы человека, а не его свободы. Эта натурализация в сфере образова-

ния оборачивается либо принудительной нормализацией всего разнообразия в рамках нивелирующей всех нормы доминирующей культуры, либо вынужденной атомизацией каждого в своей внешней и не затронутой другим личности. В первом случае страдает мотивация к собственному развитию и ограничивается творческий потенциал, что в рамках современного мира означает отставание страны в конкуренции с другими в сфере современной наукоемкой экономики. Во втором случае собственное развитие каждого теряет всякие ориентиры и оборачивается пустым настаиванием на своей личности, т. е. зачастую просто самовыражением ради эпатажа, так как никаких содержательных определений такая свобода личности не имеет и вынуждена реализовать себя путем нарушения любых ограничений, содержательный смысл которых не видится, поскольку они представляются в этой рамке только как внешние ограничения в целях доминирования Другого.

Все эти упомянутые концепции в их противоречии, пересечениях подходов, различиях представлений о норме, свойственных обоим — функционалистскому и структуралистскому, временному и пространственному — подходам, в своей совокупности изображая идейно-образный репертуар современного отношения к себе и другому, символически воплощают собой, если следовать Ч. Тейлору, социальное воображаемое современности [23, р. 29–30]. Причем, поскольку, по Ч. Тейлору, символическое — это сфера выражения имплицитного глубинного уровня культуры, социальное воображаемое невозможно намеренно «производить»: культурная индустрия может основываться только на эксплицитном самопонимании осуществляющих ее людей и на их желании неявно манипулировать сознанием других. Тогда последствия такой манипуляции, вообще говоря, в силу имплицитности глубинного уровня культуры для производителей образов, непредсказуемы и могут быть неожиданными для самих манипуляторов.

Натурализация культуры, свойственная теориям акультурного типа, как представляется, может быть преодолена обращением к культурной теории современности, поскольку это позволяет представить саму характерную для современности научную объективацию не как действие естественного света разума, а как реализацию определенной культуры, понятой как воплощение свободы человека и связанной таким образом с пониманием своей свободы самим исследователем. На этом пути становится возможным понимание культуры как реализации людьми своей открытости Другому, что и составляет содержание свободы человека [28]. Открытость Другому реализуется людьми в культуре, которая выступает как ответ конечного разума на вызов Другого как сопредельного [29].

Выработка новой, философски-основательной концепции интеграции требует дальнейших исследований, в которых актуальной задачей становится изучение того, как можно избежать натурализации человека, как бы она ни проявлялась, в каком бы типе редукционизма ни выражалась: в сведении человека к его биологической природе или общественной — к детерминациям социальной системой или культурными кодами. Все виды натурализации и редукционизма, на мой взгляд, стоят на пути создания теоретически обоснованной и практически реализуемой концепции норм в образовании как содержательного определения людьми своей свободы в их открытости Другому.

Список источников

1. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Reading, MA : Addison-Wesley Pub. Co., 1954. 537 p.
2. Гудденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховникова, Д.А. Кибальчича, вступ. ст. Т.А. Дмитриева. Москва : Праксис, 2011. 352 с.
3. Шеманов А.Ю. Политика инклюзии и этническая идентичность в контексте проблемы открытости другому // *Обсерватория культуры*. 2016. Т. 13, № 6. С. 652–659. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-652–659.
4. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 30.09.2017).
5. Шеманов А.Ю. Антропология инклюзии: автономия или аутентичность? // *Обсерватория культуры*. 2014. № 4. С. 9–16.
6. Corbett J. Inclusive education and school culture // *International Journal of Inclusive Education*. 1999. Vol. 3, no. 1. P. 53–61.
7. Slee R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda // *International Studies in Sociology of Education*. 2008. Vol. 18, no. 2. P. 99–116.
8. Николаев В.Г. Функционализм // *Социокультурная антропология : История, теория и методология : энцикл. словарь / под ред. Ю.М. Резника*. Москва : Академ. проект, Культура ; Киров : Константа. 2012. С. 176–191.
9. Малиновский Б. Функциональный анализ // *Антология исследований культуры*. Т. 1. Интерпретации культуры / сост. С.Я. Левит. Санкт-Петербург : Унив. книга, 1997. С. 683–684.
10. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренкова*. Москва : Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 400–401.
11. Turner B.S. Preface to the New Edition // *Parsons T. The social system*. 2-nd ed. London: Routledge, 1991. XLIII, 404 p.

12. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122.
13. Шапинская Е.Н. Структурализм // Социокультурная антропология : История, теория и методология : энцикл. словарь / под ред. Ю.М. Резника. Москва : Академ. проект, Культура ; Киров : Константа. 2012. С. 168–176.
14. Barker C. Cultural Studies: Theory and Practice. 4-th ed. With a foreword by Paul Willis. London : SAGE Publications Ltd, 2012. 552 p.
15. Scott J. Giddens and Cultural Analysis: Absent Word and Central Concept // Edwards T. (Ed.) Cultural Theory: Classical and Contemporary Positions. London : SAGE, 2007. P. 83–105.
16. Шеманов А.Ю. Другой как «неспособный»: социальный конструктивизм vs. медиализация [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drugoy-kak-nesposobnyu-sotsialnyy-konstruktivizm-vs-medikalizatsiya> (дата обращения: 30.09.2017).
17. Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. Новое изд., пересмотр. и доп. / пер. с фр. Ж. Горбылевой и Е. Троицкого. Москва : Водолей, 2011. 208 с.
18. Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва : Логос, 2002. 390 с.
19. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
20. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. Москва : Академ. проект, 2003. 528 с.
21. Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Stanford (Cal.), 1991. 264 p.
22. Керимова Л.М., Керимов Т.Х. Теория структуризации Э. Гидденса: методологические аспекты // Социологические исследования. 1997, № 3. С. 37–47.
23. Taylor Ch. Two Theories of Modernity [Электронный ресурс] // The Hastings Center Report. 1995. Vol. 25, no. 2. P. 24–33. URL: <http://www.jstor.org/stable/3562863> (дата обращения: 30.09.2017).
24. Дмитриев Т.А. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Э. Гидденс. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховникова, Д.А. Кибальчица, вступ. ст. Т.А. Дмитриева. Москва : Праксис, 2011. С. 79–81.
25. Бурдые П. Формы капитала [Электронный ресурс] // Экономическая социология Т. 3. № 5. 2002. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (дата обращения: 30.09.2017).
26. Попова Н.Т. Культурологический подход к инклюзии в практике образования // Психолого-педагогические основы инклюзивного образования : коллектив. моногр. / отв. ред. С.В. Алехина. Москва : Моск. гор. психолого-пед. ун-т; Буки Веди, 2013. С. 38–51.
27. Линьков В.В. Развитие представлений о норме в философии и коррекционной педагогике // Наука и школа. 2014. № 3. С. 14–23.
28. Черняк Л.С. Время и вечность : Возвращение забытой темы. Москва : Нестор-История, 2014. 696 с.
29. Черняк Л.С. «Воплощенность личности и инклюзия» : медитации постороннего // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 4–12.

Policy in Relation to the Other: Between Functionalism and Structuralism

Aleksey Yu. Shemanov

Moscow State University of Psychology and Education,
29, Sretenka Str., Moscow, 127051, Russia
E-mail: ajshem@mail.ru

Abstract. *The article discusses the changes in interpretation of the policy in relation to the Other in education system, which are connected with the transition from integration to inclusion. On the one hand, studying these changes is relevant due to the recent legislative consolidation of the policy of inclusion in Russian education after the ratification of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the adoption of a new law on education in Russia. On the other hand, the theoretical context of this shift from integration policy to inclusion remains insufficiently clarified in its philosophical bases, which was the task of this work. These shifts are consid-*

ered in the context of transformations in social sciences of the dominant theoretical context for interpretation of the Other and its place in society. This transformation is interpreted as the transition from functionalism to structuralism and to social constructionism, based on the linguistic metaphor of culture proposed by structuralism. The dichotomy of functionalism and social constructionism, based on the linguistic metaphor of culture, is considered in the context of Ch. Taylor's conception of the theories of modernity (cultural and acultural) and the conception of culture as openness to the Other (L.S. Chernyak). This approach determines both the method of studying the research problem and the novelty of the results. The interpretation of a norm, rationality, relation to the Other in the framework of integration or inclusion policy depends on understanding of culture either rather as a continuity of reproduced and transformed lifestyles (dominance of time paradigm) or rather as a variety of self-contained life-worlds with their own customs, cultural codes etc. (dominance of space paradigm). Moreover, the transition from integration to inclusion and, accordingly, from functionalism to social constructionism can be understood as

an expression of the spatial turn in social sciences and humanities. The key point of the approach to solving the problem of cultural foundations of the policy in relation to the Other in education is the understanding of culture as a project of human freedom, in which human beings implement their openness to the Other.

Key words: Other, integration, inclusion, functionalism, structuralism, social constructionism, linguistic metaphor of culture, cultural and acultural theories of modernity, spatial turn.

Citation: Shemanov A.Yu. Policy in Relation to the Other: Between Functionalism and Structuralism, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 132–140. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-132-140.

Acknowledgements.

This article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Department of Social Sciences), projects no. 15-03-00581, 15-33-14106.

References

- Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Reading, MA, Addison-Wesley Publ. Co., 1954, 537 p.
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Moscow, "Praksis" Publ., 2011, 352 p. (in Russ.).
- Shemanov A.Yu. Inclusion Policy and Ethnic Identity in the Context of Openness to the Other, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2016, vol. 13, no. 6, pp. 652–659 (in Russ.). DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-6-652-659.
- Convention on the Rights of Persons with Disabilities, *United Nations*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (accessed 30.09.2017) (in Russ.).
- Shemanov A.Y. Anthropology of Inclusion: Autonomy or Authenticity? *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2014, no. 4, pp. 9–16 (in Russ.).
- Corbett J. Inclusive Education and School Culture, *International Journal of Inclusive Education*, 1999, vol. 3, no. 1, pp. 53–61.
- Slee R. Beyond Special and Regular Schooling? An Inclusive Education Reform Agenda, *International Studies in Sociology of Education*, 2008, vol. 18, no. 2, pp. 99–116.
- Nikolaev V.G. Functionalism, *Sotsiokul'turnaya antropologiya: Istoriya, teoriya i metodologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Sociocultural Anthropology: History, Theory, and Methodology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Kul'tura Publ., Kirov, Konstanta Publ., 2012, pp. 176–190 (in Russ.).
- Malinovsky B. Functional Analysis, *Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1. Interpretatsii kul'tury* [Anthology of Cultural Research. Volume 1. Interpretations of Culture]. St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 1997, pp. 683–684 (in Russ.).
- Merton R.K. Social Theory and Social Structure, *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Moscow, Mezhdunarodnogo Universiteta Biznesa i Upravleniya Publ., 1996, pp. 400–401 (in Russ.).
- Turner B.S. Preface to the New Edition, *Parsons T. The social system*. London, Routledge Publ., 1991, 404 p.
- Parsons T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations, *THESIS*, 1993, issue 2, pp. 94–122 (in Russ.).
- Shapinskaya E.N. Structuralism, *Sotsiokul'turnaya antropologiya: Istoriya, teoriya i metodologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Sociocultural Anthropology: History, Theory, and Methodology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Kul'tura Publ., Kirov, Konstanta Publ., 2012, pp. 168–176 (in Russ.).
- Barker C. *Cultural Studies: Theory and Practice*. London, SAGE Publications Ltd, 2012, 552 p.
- Scott J. Giddens and Cultural Analysis: Absent Word and Central Concept, *Cultural Theory: Classical and Contemporary Positions*. London, SAGE, 2007, pp. 83–105.
- Shemanov A.Yu. The Other as "Disabled": Social Construction Approach vs. Medicalization, *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2012, no. 1 (7). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/drugoy-kak-nesposobnyy-sotsialnyy-konstruktivizm-vs-medikalizatsiya> (accessed 30.09.2017) (in Russ.).
- Nansy J.-L. *The Inoperative Community*. Moscow, Vodolei Publ., 2011, 208 p. (in Russ.).
- Bauman Z. *The Individualized Society*. Moscow, Logos Publ., 2002, 390 p. (in Russ.).
- Beck U. *Risk Society. On the Way to Another Modernity*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000, 384 p. (in Russ.).
- Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2003, 528 p. (in Russ.).
- Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford (Cal.), 1991.
- Kerimova L.M., Kerimov T.Kh. Giddens' Theory of Structuration. Methodological Aspects, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1997, no. 3, pp. 37–47 (in Russ.).
- Taylor Ch. Two Theories of Modernity, *The Hastings Center Report*, 1995, vol. 25, no. 2, pp. 24–33. Available at: <http://www.jstor.org/stable/3562863> (accessed 30.09.2017).
- Dmitriev T.A. Antony Giddens' Crushing Modernity, *E. Giddens. Posledstviya sovremenosti* [A. Giddens. The Consequences of Modernity]. Moscow, "Praksis" Publ., 2011, pp. 7–106 (in Russ.).
- Bourdieu P. The Forms of Capital, *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], vol. 3, no. 5, 2002, pp. 60–74. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=60 (accessed 30.09.2017) (in Russ.).
- Popova N.T. Cultural Approach to Inclusion in Educational Practice, *Psikhologo-pedagogicheskie osnovy*

- inklyuzivnogo obrazovaniya* [Psychological and Pedagogical Outlines of Inclusive Education]. Moscow, MSUPE Publ., OOO "Buki Vedi" Publ., 2013, pp. 38–51 (in Russ.).
27. Linkov V.V. The Development of Notions of Norm in Philosophy and Correctional Pedagogy, *Nauka i shkola* [Science and School], 2014, no. 3, pp. 14–23 (in Russ.).
28. Chernyak L.S. *Vremya i vechnost': Vozvrashchenie zabytoi temy* [Time and Eternity: The Return of the Forgotten Theme]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2014, 696 p.
29. Chernyak L.S. Individuality as Embodiment of Culture and the Problem of Inclusion: An Outsider's Perspective, *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2015, no. 3, pp. 4–12 (in Russ.).

18 – 21 июня 2018 года
Саратовский государственный художественный музей
им. А.Н. Радищева

XXII ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

АДИТ-2018 «ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНСТИТУТАХ ПАМЯТИ: ОТ ЧАСТНЫХ ЗАДАЧ К КОМПЛЕКСНЫМ РЕШЕНИЯМ»

АДИТ — одно из ключевых всероссийских мероприятий, объединяющих руководителей музеев, библиотек и архивов, хранителей, специалистов по связям с общественностью, менеджеров мультимедиа и интернет-проектов, специалистов в области применения информационных технологий, а также представителей коммерческих компаний, производителей оборудования и разработчиков цифровых продуктов для учреждений культуры.

Основные темы конференции:

1. Актуальное правовое регулирование музейной деятельности и информационные технологии.
2. Оборудование и ПО для ИТ-инфраструктуры музея: решения для оцифровки, системы хранения данных, ПО для корпоративных целей музея, информационная безопасность.
3. Технология виртуальной дополненной реальности (VR AR) для музеев.
4. Искусственный интеллект, машинное зрение и их применение в институтах памяти.
5. Новые возможности в сети: облачные технологии, блокчейн-платформы и смарт-контракты.
6. 3D-моделирование в музейной практике.
7. Музей и аудитория: взаимные исследования и оценки.
8. Подходы современного маркетинга и музеев.
9. Музейные сайты: новые тенденции.
10. Популяризация музейной коллекции через игру.
11. Просвещение, образование и технологии.
12. Системы безопасности и охранная маркировка фондов музеев, библиотек и архивов.
13. Электронная коммерция.
14. Мультимедиа в экспозиционно-выставочной деятельности: современные аудиовизуальные решения для музеев.
15. Мобильные технологии в музее. Конференцию предваряет двухдневный семинар «Мастерские АДИТ». В рамках конференции традиционно пройдут КАМИС-Клуб и Клуб главных хранителей.

*Проезд и проживание участников и оплата регистрационного взноса
осуществляется за счет направляющей стороны.*

Вопросы и предложения просим направлять на e-mail: info@adit.ru

Регистрация на сайте www.adit.ru